

Вещие сны Храпунцель

Автор:

[Дарья Донцова](#)

Вещие сны Храпунцель

Дарья Аркадьевна Донцова

Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант #50Иронический детектив (Эксмо)

Сколько вилок и ножей нужно человеку? Набора из двенадцати штук вполне хватит. Именно так считала Евлампия Романова до того дня, как девочка Киса отправилась заниматься в Институт хороших манер юных княгинь. Теперь Лампе приходится покупать лёфели для поедания яйца, габели для торта и массу разных других приборов. А на работе у Лампы тоже сложности. В агентство Макса обратилась Джейн Кабанова. Потенциальная клиентка с порога заявила, что не может заплатить за расследование, так как едва выживает на копеечную пенсию. Изможденный внешний вид и потрепанная одежда посетительницы подтверждали это. Кабанова рассказала о пропавшем около двадцати лет назад сыночке Сереже. А недавно Джейн увидела по телевизору интервью с бизнесменом Сергеем Решеткиным и узнала в нем сына по отсутствующему мизинцу на левой руке. Кабанова просит сыщиков найти Решеткина и доказать, что она является его матерью. Макс и Лампа согласились помочь бесплатно несчастной женщине, не подозревая, что Джейн на самом деле очень богатая дама, владелица загородного особняка и нескольких квартир в Москве. Что ж, на этом сюрпризы только начинались... Но Лампа никогда не отчаивается и не удивляется, даже увидев объявление в подъезде: «Лифт отключен на время ремонта лестницы».

Дарья Донцова

Вещие сны Храпунцель

© Донцова Д. А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава первая

«Лифт отключен на время ремонта лестницы».

Я заморгала, прочитала объявление второй раз, третий, потом посмотрела на соседку, которая стояла у почтового ящика в спортивном костюме и домашних тапочках, и спросила:

– Сонечка, а как вы сюда попали?

– По ступенькам сбежала, – пояснила Софья. – Яковлева окончательно ума лишилась. Вчера выхожу из кабинки, а она вот тут у стены притаилась. Увидела меня, щеки раздула так, что, казалось, сейчас лопнут, и как рыкнет:

– Климова! Зачем на лифте катаешься?

Здорово, да? И что ей ответить? Говорю ей:

– Зоя, я не ребенок, чтобы баловаться, просто спустилась вниз. Чем ты недовольна?

Климова прищурилась.

– И тут она выдает: «Софья, у нас новый лифт, он проходит обкатку. Нельзя на нем туда-сюда шлендрать. Со второго этажа можно и пешочком спуститься». Я опешила. А сегодня! Глянь! Лифт отключила. Объяву повесила! Яковлева точно с ума сошла. Подъемник у нас что, для декорации?

– Поняла, – сказала я. – Но лестница-то в порядке? Ремонта нет?

- Бегай по ступенькам сколько угодно, - фыркнула Соня.

И тут у меня зазвонил телефон.

- Как дела? - спросил Костин. - Хоть что-нибудь удалось узнать?

- Сейчас поднимусь домой и все расскажу! - пообещала я.

Дверь в нашу квартиру была приоткрыта, я удивилась, вошла в прихожую, погладила Фиру и Мусю, которые выбежали встретить меня, и заглянула в столовую.

- Лампуша пришла! - завопила Киса, размахивая вилкой.

С вилки слетели макароны и попали прямо на грудь соседке Зое, которая сидела рядом с девочкой.

Яковлева брезгливо поморщилась, взяла из держателя бумажную салфетку, осторожно сняла с ее помощью спагетти с мясом и бросила на стол.

- У меня сегодня три пятерки, - продолжала ликовать малышка, - по матишу, инглишу и поведению!

- Хорошо, что ты пришла, - поджала губы Яковлева, - встал вопрос о...

- За картину «Март наступил» мне тоже «отлично» поставили, - радостно объявила Кисуля.

- Сейчас детей всяким глупостям учат, - поморщилась Зоя. - Февраль за окном! Холодина!!! Встал вопрос о...

- Тепло точно придет, - оптимистично заявила Киса, - а мой рисунок нужен для выставки.

- Встал вопрос о... - резко повысила голос Зоя.

– «Чудеса весны», – весело болтала Киса, – она же всехняя весна, и каждому начудит!

Зоя фыркнула.

– Всехняя, ихняя... Лампа! Твой ребенок чудовищно необразован!

Роза Леопольдовна, стоявшая у кофемашины, обернулась. Взгляд няни полыхал как пламя из пасти огнедышащего дракона. Пусть вас не удивляет такое сравнение, я воочию видела, как из глаз Краузе вылетают языки пламени.

– Она невоспитанна, размахивает вилкой, болтает с набитым ртом, не дает взрослому человеку слова произнести, – продолжала Зоя, – бросила на мою одежду еду! И разговаривает, как в коровнике! Всехняя! Да ее никто замуж не возьмет, проживет старой девой с десятью кошками.

– Сколько кисок! – обрадовалась девочка. – Суперски! Еще и собак заведу.

– Да она просто дебилка! – взвизгнула Зоя.

Вот тут мое терпение лопнуло.

Я встала.

– Госпожа Яковлева, покиньте наш дом.

– Встал вопрос о... – как ни в чем не бывало продолжала свою партию главная по подъезду.

Я набрала побольше воздуха в грудь. В ту же секунду мопсика Фира, которая из-за цвета своей шерсти получила домашнюю кличку Черный Лебедь, а из-за ничем непоколебимой невозмутимости получила еще имя Аристотель, неожиданно быстро посеменила к Зое, села у ее ног и, задрав голову (что для мопса весьма непросто), посмотрела в лицо гостю.

– Вам отказано от дома, – сказала я, – уходите.

– В смысле? – опешила Яковлева. – У нас назрел вопрос...

Фира удовлетворенно вздохнула, встала и несвойственной ей рысцой покинула столовую. Поведение Черного Лебедя меня озадачило. Как правило, Фируся лишней раз лапой не шевельнет. И уйти из комнаты, где кто-то ест, тоже не в ее правилах. Из-за того, что объем талии Фире превысил ее рост, псинку посадили на диету, и она проводит весь день в столовой в трепетном ожидании момента, когда у кого-то с тарелки на пол что-нибудь упадет. И вдруг! Спешная эвакуация!

– Почему у меня ноги мокрые? – изумилась Зоя, опять не закончив фразу. – Откуда вода?

Тут-то я поняла, чем занималась Фира, почему она уселась у ног Яковлевой, а потом поспешно сбежала. Наши мопсихи обе, и Муся, и Черный Лебедь, без памяти обожают Кису. Может, Фируша экстрасенс? Или она лучше понимает речь людей, чем мы думаем? Фируша поняла, что Яковлева обидела девочку, обозвала ее дебилкой, и решила ей отомстить.

– Что за черт? – недоумевала старшая по подъезду.

– Уходите, – приказала я, – немедленно.

– Да что случилось? – заморгала Зоя.

– Вы посмели оскорбить моего ребенка, – отрезала я.

– Правда глаза колет, – ехидно заявила соседка, – никто не хочет ее слышать. Ложь куда приятнее. Но я всегда говорю людям истину! Девочка ваша невоспитанна. И глупа. Я пыталась ей объяснить, что замуж ей с такими манерами не выйти. И что? Она испугалась? Нет, обрадовалась. Как ее назвать? УО!

Мне захотелось схватить веник и со всего размаха наподдать Яковлевой. Я уже направилась к шкафчику, в котором хранится метла. Но тут из-под стула Кисы вылетела всегда скромная, нежная мопсиха Муся, оскалила зубы и понеслась на старшую по подъезду с рычанием, которому мог бы позавидовать разъяренный

лев. Зоя завизжала, вскочила и была такова.

- Что такое УО? – спросила Киса. – И почему надо бояться того, что замуж не выйдешь? Мне совсем туда не хочется. Если подумать, что лучше: муж или десять кошек, то второе очень даже предпочтительнее.

Мне не хотелось объяснять, что такое «умственная отсталость», и я пробормотала:

- Ну... понимаешь...

- Удачная осень, – выручила меня Краузе. – Соседка услышала про успех твоей картины и обрадовалась, сказала: «Удачная осень», а фразу «для тебя сегодня» она не договорила.

- Сейчас зима, – напомнила Киса.

- Соседища времена года путает, – не растерялась няня.

Я молча слушала их диалог. Сейчас все отличились, как могли. Пофигистка Фира описала ноги Зои, робкая, нежная Муся превратилась в аллигатора и пыталась порвать Яковлеву на лапшу, а няня называет противную тетку – соседища! И что самое интересное – я с ними со всеми солидарна. Понимаете, написать на лапы незваной гостьи мне как-то неудобно, укусить Яковлеву я тоже не могу, а приклеить неприятной особе кличку «соседища» не додумалась. В армии защитников Кисы я оказалась наименее креативным звеном.

- Вот бедная, – воскликнула Киса, – плохо, когда думаешь, что на улице лето, выйдешь, а там мороз! Может, мне тете Зое нарисовать календарик?

- Еще чего! – возмутилась Роза Леопольдовна. – Да такой, прости господи, надо по кумполу шваброй зачехучить.

- Что такое кумпол? – осведомилась малышка. – И зачехучить?

Я хотела вмешаться в увлекательную беседу, но тут опять позвонил Костин.

- Добралась наконец домой?

- Ой, - опомнилась я, - прости, сейчас посмотрю, где лежит визитка Крылова.

- Не надо, - остановил меня Володя.

- Э нет, - засмеялась я, - пойдешь как миленький к стоматологу.

- Вернись в офис, - попросил Вовка.

- Что случилось? - спросила я. - Подожди, у меня на второй линии Макс. Привет, милый.

- Лампудель, приезжай в контору, - велел муж, - мы с тобой умники, да и Костин со своими сотрудниками молодцы, все вакцинировались от гриппа и в строю. Но нашлись идиоты, прививочные диссиденты, они размахивали флагами: «Не пойдём на прививку». И что? Все, как один, по больницам разъехались, подцепили вирусную инфекцию, да еще в тяжелой форме. А дел полно! Подключайся. Костин ждет.

- Хорошо, - обрадовалась я, с нетерпением ждавшая, когда Вульф вызовет меня на службу, - уже лечу.

Глава вторая

- Меня зовут Джейн Кабанова, - хриплым голосом произнесла женщина, чей возраст с одного взгляда и не определишь, - на вашем сайте сказано, что у вас есть благотворительная программа для неимущих.

- Верно, - подтвердил Костин.

- Вы на самом деле можете работать бесплатно? - уточнила Джейн.

– Проблема оплаты – это прерогатива начальства, – объяснил Володя, который прекрасно мог сам решать любые вопросы, – в агентстве гибкая система скидок. Если к нам обращаются многодетные, инвалиды или те, у кого случилась беда, а денег даже на хлеб нет, то...

– Это про меня, – прошептала Джейн, – последние пару дней перед пенсией я сижу голодная.

Я внимательно посмотрела на посетительницу и решила, что она говорит правду. Рост у Джейн примерно метр семьдесят, а вес, похоже, меньше, чем у меня. Волосы она, вероятно, стрижет сама, ни один, даже совершенно криворукий парикмахер не «отгрызет» такую челку. Когда Кабанова вошла в комнату, на ней была пуховая куртка эпохи динозавров. Помнится, подобными шедеврами, из которых во все стороны торчали перья, некогда полнились московские рынки, стихийно возникавшие у каждой станции метро. У меня тоже в гардеробе была такая, стоила дешево, продувалась со всех сторон, ни в одну химчистку ее не брали, поэтому я решила постирать красную куртку, опустила ее в воду, а вынула нечто серо-буро-малинового цвета в заковыристых узорах. И шапка Джейн – родная сестра пуховика: из толстой шерсти с узором «коса» на отвороте. А когда Кабанова повесила верхнюю одежду на вешалку, она осталась в заштопанном свитере и потертых джинсах, сшитых гастарбайтерами в эпоху перестройки. Образ дополняли сапоги-дутики, остромодные до Великого потопы.

Володя спросил:

– Джейн, что вы предпочитаете? Чай? Кофе?

Клиентка хрипло рассмеялась.

– Кофе! Чай! Вкус этих напитков я давно забыла.

Костин нажал на кнопку в столе.

– Надя, принеси нам все! Ты правильно меня поняла? – Потом Вовка открыл ноутбук. – Что у вас случилось?

– Я не смогу заплатить, – опять предупредила потенциальная клиентка.

– Давайте просто поговорим, как друзья, – предложила я.

– Все друзья, когда деньги есть, нищета никому не нужна, – шмыгнула носом Джейн.

В комнату танцующей походкой вошла администратор. У меня отвалилась челюсть.

В детективном агентстве моего мужа Макса Вульфа существует дресс-код. Он нестрогий и разный для разных категорий служащих. Понятно, что детектив не может постоянно ходить в костюме, порой ему нужно изобразить бомжа. К компьютерщикам тоже не придираются, всем ясно, сколько их ни бей, они все равно явятся на работу в старых джинсах, футболках, растянутых свитерах и не очень чистых ботинках. А эксперты, работающие в лабораториях, всегда в халатах, белых комбинезонах, бахилах. Самые жесткие требования предъявляются к девушкам на ресепшен первого этажа и к администраторам разных отделов. Они обязаны носить юбки-карандаш длиной за колени, туфли на небольшом каблучке, блузку и пиджак.

Но Надежда никогда не соблюдала правил. Сегодня она вырядилась в красную кожаную мини-юбку, которая больше походила на широкий пояс, белую кофту меньше размера на два, с вырезом почти до пупка, и белые ботфорты. На столь роскошную даму мужская часть присутствующих отреагировала по-разному. Психолог Константин Львович Энтин закашлялся, чтобы никто не понял, что он умирает от смеха. Эксперт Миша Вуколов окинул оценивающим взглядом ноги Нади и определенно решил, что внутренняя сторона бедра недостаточно проработана в фитнес-зале. Компьютерщик Николаша не заметил Надю, Махонина в этой жизни интересуют только гаджеты и все, что с ними связано. Костин на секунду оторопел, потом сказал:

– Благодарю вас.

Администратор поставила поднос, полный вкусностей, на стол, развернулась и походкой от бедра проследовала на выход.

– Угощайтесь, – радушно предложил Вовка, – и рассказывайте.

Джейн схватила в каждую руку по бутерброду, начала жадно есть и одновременно излагать свою проблему.

Джейн никогда не была замужем. Ей на жизненном пути попадались безответственные парни, которые не желали связывать себя узами брака. А Кабановой очень хотелось получить колечко на пальчик. Когда очередной кавалер после нескольких месяцев страстной любви сбежал в неизвестном направлении, одна из соседок посоветовала Джейн:

- Ты забеременей, роди малыша. Тогда мужик не отвертится.

То ли советчицу природа одарила умом гусеницы, то ли она терпеть не могла Джейн, но ничего хорошего у Кабановой не вышло. Из союза по залету может получиться счастливая семья, но для этого женщине потребуется приложить массу усилий, порвать километры нервов и запастись терпением монаха. Кто-нибудь из вас пытался насильно запихнуть в комнату собаку не очень крупной породы? Ну, например, мопса? Когда я пытаюсь изолировать Фиру и Мусю в своей спальне... Ну, например, когда Киса простудилась, пришел врач, не стоит псинкам вертеться у него под ногами. Вот всякий раз, когда я хочу заставить мопсик сделать то, что им не по нраву, они сопротивляются так отчаянно, что я превращаюсь в потное, растрепанное, безумное чудовище. Понимаете? Даже собаку сложно принудить к чему-либо. А уж загнать в капкан мужика! Он тоже будет цепляться руками и ногами за косяки, а зубами за свою свободу. Зачем рожать от того, кто вас не любит? Отпустите жертву, пусть убегает. Найдете свое счастье в другом месте. Но Джейн последовала совету тетушки, на свет явился мальчик. А что его отец? Он сбежал, пока молодая мать лежала в роддоме.

Кабанова осталась одна с малышом, которого хотела назвать Себастьяном. Как это имя пришло ей в голову? Ну, не стоит задавать бестолковых вопросов. В загсе Джейн отговорили зарегистрировать младенца под «ненашенским» именем, и в конце концов он стал Сережей. Рос ребенок как все. Ясли – детский сад – школа. Тихий малыш, нешумный первоклассник, бесконфликтный подросток. Джейн считала себя образцовой матерью. Сергей голым не ходил, дома ужинал чем бог послал, днем ел в школе, учился на одни пятерки. Что еще надо?

Когда однажды летом сын не пришел домой ночевать, мать не забеспокоилась. Деревенька вблизи столицы, где жила семья Кабановых, никогда не упоминалась в криминальных новостях. Тихое и, несмотря на близкое соседство

Москвы, провинциальное место. Джейн решила, что Сережа остался ночевать у кого-то из друзей, и спокойно пошла с очередным кавалером в кино. Лето на дворе, каникулы, ясное дело, дети хотят нагуляться. Утром прибежит.

Но Сережа не появился и завтра, и послезавтра, и послепослезавтра. Мальчик просто исчез. Сгинул без следа. Конец истории.

Джейн посмотрела на меня.

- Понимаете?

Я кивнула.

- Вы пошли в милицию?

Посетительница махнула рукой.

- Там сначала ничего делать не хотели, но потом заявление приняли. А дальше что? Не знаю. Через несколько лет мне сказали: он умер.

- Нашли его останки? - уточнил Энтин.

Я удивилась. Константин Львович, как правило, очень деликатен, а тут будто топором рубит.

- Нет, - возразила Джейн, - мне объяснили: когда о ребенке несколько лет нет сведений, значит, он мертв.

- Ясно, - пробормотал Костин, - если вы хотите, чтобы мы отыскиали вашего сына...

- Да, да! - воскликнула Кабанова.

Володя побарабанил пальцами по столу.

- Джейн, сколько лет могло бы исполниться сейчас Сергею?

- Тридцать четыре, нет, уже тридцать пять, - сообщила мать.

- А пропал он подростком, - решил выручить Вову Энтин. - Документы мальчика где?

- У него только метрика была, она дома осталась, - насупилась Джейн, - я знаю, что он жив. Его зовут теперь Сергей Николаевич Решеткин. Я принесла вам все на блюдечке. Только докажите, что этот Решеткин мой любимый Сереженька!

- Почему вы решили, что Решеткин ваш сын? - удивилась я.

- У него мизинца нет на левой руке, - ответила Джейн, - я смотрела вечером телевизор, бизнес-канал. Там интересные интервью показывают, не глупость всякую. Ведущий и гость сидят за столом, руки сверху лежат, камера их часто показывает, поэтому я хорошо рассмотрела кисть Сергея. Сын мизинец в детстве потерял, обо что-то обрезался, лет ему тогда вроде десять было, примчался домой, слезы льет, потерпеть не мог. Я отвела мальчика к фельдшеру, тот рану зашил, рубец остался. Я как увидела руку Решеткина, так вздрогнула! Это точно Сережа! Сомнений нет! Он! И мне приснился сон!

- Сон, - повторил Михаил и не смог скрыть улыбки.

- Зря смеетесь, молодой человек, - мигом отреагировала Джейн, - меня многие знают как предсказательницу! Не счесть людей, которым я помогла. Я вижу вещие сны! Приходит ко мне человек, сообщает о своей проблеме. Вечером я засыпаю и вижу, как ему помочь. Ясно. Четко. Никогда не ошибаюсь. Я вещая сновидица. В ночь перед тем днем, когда я на экране увидела Сереженьку, мне приснилось, будто я сижу дома, и входит сын. Он взрослый, бросается ко мне: «Мама, я тебя нашел». - Джейн обвела нас торжествующим взглядом. - Мне стало понятно: Сереженька жив, завтра я непременно его увижу! - Гостья зевнула. - Устала я что-то. Прямо с ног валюсь.

- Устраивайтесь на диване, - радушно предложил Энтин, - на стуле неудобно.

Кабанова пересела на диван, потом легла и... захрапела.

– Интересная история, – вздохнул Костин, – не знаю, как насчет вещих снов, но рулады она выводит музыкальные.

– Похоже, дама и впрямь ничего не ела, – заметил Энтин, – а сейчас угостилась, и ее сморило. Надо деликатно разбудить Джейн.

Глава третья

Когда Кабанова ушла, унося с собой пакет с бутербродами и печеньем, Володя скомандовал:

– Николаша!

Гениальное дитя компьютерных технологий уронило на клавиатуру очки, взяло со стола другие, водрузило на нос и возмутилось:

– Кто лапал очки? Все стекла жирные, ни фиگашечки не видно.

– Николенька, – ласково произнес Энтин, – ангел наш, ты взял не те окуляры. Твои висят у тебя на шее на очень прочной цепочке.

– Да уж, – ухмыльнулся Миша, – на такую только Полкана сажать.

– Зато она не порвется, – сказал Константин Львович, – для Николеньки надежность превыше гламура.

– На цепочке? – изумился Махонин и стал ощупывать на груди свой выдавший виды свитер, – у меня ее вообще-то не было.

– Я купил, мой ангел, специально для спасения твоих вторых глаз, – объяснил Энтин, – и повесил на твою гордую выю. А ты и не заметил.

Николаша встряхнулся, перестал себя охлопывать и воскликнул:

– Константин Львович, я этого от вас не ожидал. Ну, честное слово. Ну ладно, Миша, ну ладно, Лампа или Костин, они что угодно скажут и не поперхнутся. Но вы! Профессор! Умный. Столько всего знаете, просто компьютер. И такое!

– Спасибо, дружок, за весьма лестное для меня сравнение с твоим любимым ноутбуком, но что тебя возмутило до глубины души? – спросил психолог.

– Выя, – прошептал парень, – не думал, что вы можете при всех нецензурно ругаться.

– Выя – это шея, недоросль, – пояснил Михаил.

– Совершенно верно, – обрадовался профессор. – Николенька, странно, что вы сие слово не знаете. Оно использовалось всеми писателями восемнадцатого века, уж не говорю о тех, кто жил ранее. У Державина есть прекрасная ода...

– Константин Львович, не распинайтесь, – ухмыльнулся Вуколов, – Николаша компьютерный гений, а в остальном обычный идиот.

Костин постучал карандашом по столу.

– Николай, нацепи очки, которые висят у тебя на груди, и докладывай, что успел нарыть, пока мы вели беседу.

– Евгения Ивановна Кабанова, – зачастил Махонин, отличающийся редкой незлобивостью – он совершенно не собирался отвечать по достоинству Вуколову, который обозвал его идиотом.

– Имела сына Сергея, которого признали умершим, – продолжал Николаша. – Работала заведующей сберкассой в городке Новопрудинск. Проживала в селе Горяево, улица Красноармейская, дом один, частное владение. Потом перешла в коммерческий банк, где стала начальником отдела выдачи кредитов. На этой должности прослужила много лет. Сейчас является внештатным финансовым консультантом все того же банка. Не замужем и никогда туда не ходила.

– Эй-эй, ты нам про кого рассказываешь? – спросил Миша.

Николай изумился.

– Про Джейн. А про кого надо?

– Уж точно не про какую-то Евгению Кабанову, – возмутился Вуколов.

Махонин засунул ладонь в волосы и поставил их дыбом.

– Мишаня! Джейн – это кличка, наверное, ее так называют друзья. Или она сама себе красивое имечко придумала. По документам наша клиентка – Евгения Ивановна Кабанова.

Вуколов решил стоять на своем.

– Она нам паспорт не показывала. Как ты узнал ее имя-отчество? На лбу у нее увидел?

Николай показал пальцем на ноутбук.

– Он фотографирует посетителя, снимок загружается в программу, та выдает всю инфу, которая есть на этого человека. Проще только банан съесть.

– Знаю, что ты редко ошибаешься, – вступила я в беседу, – но внешний вид Кабановой просто кричит о нищете, и ела она как изголодавшаяся дворняга. А ты говоришь: заведующая сберкассой, начальник отдела в банке, финансовый консультант... Человек на таких должностях и при коммунистах, и при капиталистах получает приличную зарплату.

Энтин сказал:

– Полагаю, что она и сейчас неплохо зарабатывает. Николаша, сообщи нам подробности о доме, в котором нынче проживает уважаемая Евгения Ивановна.

– Местожителство Кабанова никогда не меняла, – заговорил Махонин. – Участок в семьдесят соток принадлежал ее отцу, местному председателю сельсовета. Надел граничит с опушкой леса, мимо никто не ездит и не ходит. Папаша при жизни построил деревянный коттедж, маленький, площадь – сто пятьдесят

квадратов.

- Для советских времен это огромное жилье, - протянул Энтин.

- В две тысячи первом Джейн построила каменный особняк, пятьсот квадратных, - продолжал Николаша, - теперь на участке два дома. Старый переоформлен как хозпостройка. Еще у Джейн четыре квартиры в Москве. Одна на Старом Арбате, пятикомнатная, куплена семнадцать лет назад. И три в Куркине, приобретены в том году, когда район только начинал строиться. Поэтому апартаменты куплены по низкой цене, которую предложили на стадии нулевого цикла. Или она сама такая умная, правильно деньги вложила, или ей кто-то подсказал. Сейчас все квартиры сдаются, а Евгения честно платит налоги.

- Господи, - изумился Костин, - зачем тетка прикидывается нищей? Жалуется, что не доживает до пенсии, голодает?..

- Она и правда существует на пенсию, - остановил Володю Энтин.

- Константин Львович, вы что, не поняли? - изумился Миша. - У бабы денег куры не клюют.

- Мишенька, это называется синдром Гарпагона, - объяснил Энтин, - болезнь получила название по имени героя пьесы Мольера «Скупой». Гарпагон - персонаж, олицетворяющий патологическую скупость, его имя стало нарицательным. Главное в жизни Джейн - накопительство. Деньги она копит. Живет на пенсию. У каждого человека есть запас любви, размер его разный. У одного, как у матери Терезы, его хватает на весь мир, у другого только на что-то одно. Евгения обожает деньги. Лампа вздрогнула, когда я специально резко и прямо спросил: «Останки нашли?» Любая женщина, которая любит свое дитя, а матери не перестают любить даже умерших, от столь не деликатного вопроса заплакала бы, потому что я напомнил ей о самом ужасном событии в ее жизни - пропаже ребенка. Как это ни странно, но матери лучше знать, что сын мертв, она его похоронила, знает, где могила, куда можно прийти посадить цветы, поплакать. А у Джейн самая тяжелая ситуация: неизвестность. Она ничего не знает о судьбе Сережи. И какова была ее реакция?

- Спокойный ответ: «нет», - пробормотала я, - похоже, ей это все равно.

– Именно так, – согласился Энтин, – вспомним скупой рассказ госпожи Кабановой об исчезновении сына. Не пришел домой? Завтра появится. Отнесла заявление в милицию, а там ничего не сделали. Ну, значит, так. Лично я о своем коте больше беспокоюсь.

– И с какой целью эта жадина-говядина пришла к нам? – недоумевал Михаил.

– Чтобы мы доказали, что Сергей Николаевич Решеткин ее любимый Сереженька, – ответил психолог. – Полагаю, что вышеупомянутый мужчина богат. Поэтому в сердце Джейн расцвела любовь к деньгам сына.

– Решеткин, – начал Николай, – тридцать пять лет. Совладелец частной клиники и фитнес-клуба. По образованию врач. Работает в своей же больнице. До списка в журнале Форбс пока не дорос, но уже стоит в прихожей. Не женат, детей нет. О личной жизни ничего не известно. Не любитель тусовок. Ведет правильный образ жизни, активно занимается спортом: теннис, горные лыжи, сноуборд, плавание. Прописан в квартире своих родителей в центре Москвы. Отец – Николай Викторович Решеткин, врач, доктор наук, академик, светило по линии неврологии. Несмотря на солидный возраст, активно работает, руководит своим медцентром, в совладельцах бизнеса у него сын Сергей. Мать – Алевтина Семеновна Решеткина, бывшая балерина. Не звезда, но вполне успешная, когда-то танцевала в Большом театре, ей доверяли сольные партии второго плана. Ушла на пенсию в положенном для танцовщиц возрасте, открыла балетную школу, до сих пор ею руководит, там же и преподает.

– Ну и с какого боку Сергей сын Джейн? – хмыкнул Михаил. – У тети мозг давно поплыл от жадности. А сейчас он еще и вытек.

– Кабанова объяснила: «Узнала сына по отсутствию мизинца», – заметила я. – Думаю, нам надо поговорить с Сергеем Решеткиным.

Глава четвертая

Подойдя к своему подъезду, я увидела на доске объявлений лист бумаги с текстом: «Милостивые господа и государыни. «Институт хороших манер юных

княгинь» объявляет набор учениц, девочек семи-девяти лет, для обучения всему, что должна знать истинная маленькая княгинюшка. Как правильно вести себя за столом, разговаривать со взрослыми, красиво ходить, танцевать, петь, хорошо учиться в гимназии, шить, готовить – всему этому девочки научатся у нас. Внимание. Принимаем только лиц женского пола. Наш адрес...»

Я прочитала объявление, увидела, что сие учебное заведение находится в минуте ходьбы от нашего дома, и предложила Кисе:

- Давай зайдем, посмотрим, вдруг там интересно.

- Ладно, – без особого энтузиазма согласилась малышка.

- Потом куплю тебе мороженое, – пообещала я.

Киса мигом повеселела.

- Супер! Только в «Доггине-Боббине», а не в супермаркете.

Идти в торговый центр мне не хотелось. Да, он расположен недалеко, но надо воспользоваться подземным переходом, чтобы перейти улицу...

- «Доггин-Боббин», – запела Киса и побежала вперед.

- Подожди меня! – крикнула я.

- Догоняй! – завопила Кисуля, в ту же секунду поскользнулась и шлепнулась в грязь.

- Ну вот, теперь останешься без пломбира, – вздохнула я, – пошли домой.

- Почему? – удивилась Киса, вставая.

- Ты вся перепачкалась, – пояснила я, – в таком виде неприлично куда-либо идти.

- Почему? – повторила малышка.

- Грязные колготки, юбка, - перечислила я.

- И что? - заморгала Кисуля.

- Мы хотели посмотреть, что такое институт хороших манер, - напомнила я.

- Так пошли, - скомандовала Киса.

- Но юбка, - повторила я, - она испачкана. Впрочем, остальные вещи тоже.

- И чего? - удивилась девочка. - Я-то в одежде внутри чистая. Глазами о дорогу не стукнулась, все хорошо вижу. И почему в испачканных колготках нельзя зайти в этот институт? Там вообще кто нужен? Девочка или ее чулки?

Я вздохнула. Кисуля вытащила из кармана упаковку бумажных платков и начала растирать ими грязные пятна по своей одежде.

- Смотри, вот и нет ничего. Между прочим, с детьми нельзя так жестоко поступать. Сначала ты пообещала мне мороженое из «Догги», а теперь передумала.

Киса начала шмыгать носом, по ее щекам поползли слезы.

- Ладно, ладно, - сдалась я, - пошли.

Малышка вытерла мордочку рукавом куртки.

- Киса! - возмутилась я. - Разве ты не слышала про носовой платок?

- Я истратила их все, пока юбку чистила, - горестно сказала девочка, - дай свои.

Я порылась в недрах сумки, ничего похожего на бумажные салфетки не нашла и пробормотала:

- Э... э... ну...

– У тебя их нет, – запрыгала Киса и понеслась вперед, распевая: – Догги, Догги, малиновый Поги, сливовый Рогги, вишневый Тоги!

– На такое количество пломбира даже не рассчитывай, – на всякий случай предупредила я.

– Вот наверняка твоя мама давала тебе без разговоров целый мороженный торт! – крикнула Киса.

Я рассмеялась.

– Ох, нет. До семи лет мне вручали творожный сырок в глазури, втыкали в него палочку и говорили: «Это эскимо».

Малышка остановилась.

– И ты верила?

Я кивнула.

– Да, потому что везде ходила с мамой, а она ухитрялась очень быстро пробежать мимо будок с мороженым. Но когда я пошла в школу, то, конечно, узнала правду. Мне стали покупать сливочное с вафлями. Мамуля снимала вафли, давала их мне, отрезала кусок пломбира, укладывала его в кастрюльку и ставила на плиту. Когда белая масса таяла, я получала ее вместе с чайной ложкой.

Киса вытаращила глаза.

– Теплой?

Я кивнула.

– Главное в этом десерте – холод, – тоном гурмана заявила девочка.

– У моей мамы было другое мнение на сей счет, – сказала я.

Киса бросилась мне на шею.

– Лампуша! Какое у тебя ужасное детство! Мне так тебя жалко! Хочешь, когда придем в «Догги», я отдам тебе всю свою порцию?

Я прижала к себе малышку.

– Спасибо, солнышко. В кафе мороженого хватит на всех. Ты ошибаешься, у меня были самые лучшие папа и мама. Мы пришли, нажимай на звонок.

Дверь нам отворил швейцар, самый настоящий, таких я видела только на иллюстрациях в книгах и в кино: человек средних лет в красном длинном пальто с золотыми пуговицами и в странной шляпе.

– Добрый день, – прогудел он густым басом, – по какому поводу вы пришли в институт хороших манер?

– Увидели объявление, – закричала Киса, – захотели посмотреть!

– Разрешите вашу одежду, – улыбнулся страж дверей, – вам налево в актовый зал, экзамен там.

– Экзамен? – хором спросили мы.

– Конечно, – ответил швейцар, – абы кого княгиня Буравенская не возьмет, только лучших из лучших, самых достойных, умных, воспитанных...

– Зачем им в институт хороших манер? – справедливо удивилась Киса. – Они и так уже все знают. Лампа, меня сюда не возьмут, пошли домой.

И тут перед нами словно из-под земли выросла женщина.

– Добрый день, рады вас видеть. Хотите стать нашими ученицами? Маму не возьмем, она взрослая, а девочку с радостью.

– Мы не готовились к экзамену, – призналась я.

– Вы о чем? – спросила дама.

– Нам сказали, что надо идти в актовый зал, там какие-то экзамены, – ответила я.

– Кто поведал вам сию информацию? – изумилась собеседница.

Киса показала пальцем на швейцара.

– Он!

– Поскольку здесь нет никого, кто мог бы нас познакомить, – запела соловьем дама, – я сама представляюсь. Княгиня Агнесса Ильинична Буравенская, основательница института.

– Евлампия Романова, – представилась в свою очередь я.

– Киса, – пропищала малышка.

– Романова, – повторила Буравенская, – царская фамилия.

– Моя семья никак не связана с домом Романовых, – возразила я, – скорей всего, кто-то из предков был у них в крепостных. Крестьян часто записывали по фамилии барина.

– Покажите кисть вашей руки, – попросила Буравенская.

Я удивилась, но выполнила ее просьбу.

– Сейчас можно купить любой титул, – усмехнулась Агнесса Ильинична, – если щедро заплатите, получите родословную от Рюриковичей. Но происхождение выдают руки. Широкая ладонь, толстые пальцы, короткие ногти некрасивой формы, – все это свидетельство того, что предки на протяжении столетий занимались грубой физической работой. А я вижу узкую кисть, «музыкальные» пальчики, длинные ногти овальной формы, тонкую кожу, под которой просвечивают вены. Нет, дорогая, ваши деды играли в шахматы, стреляли дичь, читали книги, а бабушки вышивали, вязали для своего удовольствия, играли на

клавесине.

- Я окончила консерваторию по классу арфы, - зачем-то разоткровенничалась я, - мама была певицей.

- Замечательно, - восхитилась княгиня, - руки всегда говорят правду. Оставьте девочку на пробное занятие, возвращайтесь за ней через три часа. Никаких экзаменов у нас нет. Василий Петрович перепутал. Пусть малышка осмотрится, поймет, нравится ей у нас или нет.

- Три часа, - повторила я, - мы хотели после института поесть мороженого.

- «Догги» открыт круглосуточно, - подпрыгнула Кисуля, - я останусь. Из простого человеческого любопытства!

- Вот и хорошо, - одобрила Буравенская.

У меня зазвонил телефон.

- Извините, надо ответить, - сказала я и отошла за гардероб. - Да, Вова, что случилось?

- Сергей Николаевич Решеткин был усыновлен, - ответил Костин, - такие сведения закрыты, но для Николаши преград нет.

- Сейчас приеду, - пообещала я.

Глава пятая

На следующий день рано утром, когда Киса завтракала перед уходом в школу, я тоже села за стол, стукнула по яйцу ложкой и начала очищать скорлупу.

- Так поступают только плохо воспитанные дети, - неожиданно сказала девочка.

Я откусила верхушку яйца и удивилась.

- Ты о чем?

- Вчера в институте первое занятие посвящалось теме «Как едят воспитанные дети», - объяснила Киса. - Там было много заданий. Мы их разбирали. Яйцо нельзя лупить ложкой!

Я заморгала.

- А как его нужно есть?

Киса подняла указательный палец.

- Изложи твои варианты, пожалуйста, все.

- Постучать яйцом по столу или покатавать по нему, - начала я, - и... больше ничего в голову не приходит.

Киса нахмурилась.

- В каждом приличном доме должен быть колщик яиц.

Я с трудом сдержала смех.

- Солнышко, где мы его поселим? Конечно, квартира у нас большая, есть пара свободных комнат. Но я не уверена, что Макс придет в восторг, если здесь поселится человек, в чью обязанность входит разбивание по утрам скорлупы яиц. И чаще всего мы едим глазунью.

Киса закатила глаза.

- Мрак и туман! Колщик не мужчина, а предмет. Им обрушивают дом.

- Какой дом? - не поняла я.

– Мрак и туман! Скорлупа – дом, яйцо в нем живет. Колщик рушит дом красиво, по-дворянски. Бить им о стол это... э... сейчас... слово забыла... фо... фо... фотопопа!

Я чуть не подавилась куском сыра.

– Фотопопа?

– Да, – кивнула малышка, – хорошо воспитанные дети никогда не делают фотопопу. А верхушку скусывают только крокодилы, но их в приличный дом не пустят.

– И как положено есть яйцо? – поинтересовалась я.

– В каждом интеллигентном доме есть резчик, он снимает верхушечку, – пояснила Киса.

– Всем привет, – сказал Макс, входя в столовую. – Кисуня, чего такая грустная?

– Не успела поприветствовать тебя так, как следует воспитанной девочке, – пригорюнилась малышка.

– Хочешь, я еще раз войду? – предложил Вульф.

– Это будет весьма мило с твоей стороны, – сказала Киса.

Макс, старательно удерживая на лице серьезное выражение, вышел в коридор и крикнул:

– Сообщи, когда будешь готова.

– Конечно, любимый папочка, – ответила Кисуля и зашептала: – Хочешь, я тебя научу, как правильно приветствовать главу дома?

Я забыла про яйцо.

- Давай!

- Эта штука называется... - начала малышка, - ну... э... ну... каниксан! Смотри очень внимательно. Одна нога впереди, другая сзади, передняя медленно сгибается, задняя опирается на носок. Пятка первой ноги находится на одной линии с носком второй. Спина прямая, голова опущена. Но не висит на груди. Руки изящно согнуты в локтях. Мы приседаем и хором произносим: «Гутен морген тебе, дорогой наш пэр!»

- Вы готовы? - крикнул Макс. - Кушать хочется.

- Да, - ответила Киса и присела в реверансе. - Лампа, ну же.

Я поставила правую ногу перед левой.

- Продвинь сгибаемую ногу вперед, - зашептала малышка. - Мрак и туман! Лампа, не молчи. Наш дорогой...

- Пэр! - выкрикнула я и свалилась на пол.

- Это мое самое лучшее утро, - расхохотался Макс, - хочу, чтобы каждый день было так! Лампуша, сама можешь встать? Или тебя поднять?

- Сама поднимусь, - прокряхтела я.

Вульф, ухмыляясь, сел за стол.

- Хорошо воспитанная девочка никогда не падает в каниксане, - заявила Киса.

- Книксен! - осенило меня. - Реверанс.

- Ну да, - кивнула Киса, - я так и говорю, каниксан. Папа, гречневую кашу не едят ложкой. Хорошо воспитанная девочка так не делает.

- Я мальчик, - возразил Вульф. - А чем гречку положено есть?

- Гречевниками, - заявила малышка. - Вот у нас дома какие столовые приборы?

- Обычные, - ответила я, - вилки, ножи, ложки.

- А габели? - спросила Киса.

- Габели, - хмыкнул Макс, - мудреное словечко.

- В интеллигентном доме вилок нет. В нем есть габели. Вилками пользуются в тех семьях, где грызут семечки, - отрезала Киса. - Габелей более ста видов. А у нас их сколько?

- Два, - робко ответила я, - большие, маленькие, ну, еще твои детские, старые. Не выбрасываю их из ностальгических воспоминаний.

- Это размеры, - поморщилась малышка, - а я про виды! Есть рыбагабели, мясogaбели, тортогабели. Лампа, нам надо съездить в магазин «Товары для настоящих дворян» и хоть что-нибудь там купить. А то гости придут, а мы правильно стол не накроем.

- Киса, ты готова? - закричала из прихожей Краузе. - Я уже пришла.

- Ой! Чуть не опоздала в школу! - подпрыгнула малышка, кинулась к двери, но притормозила у порога, обернулась, сделала книксен и пропела:

- Гран мерси, маман и папан, за чудесный завтрак. Вот. Едва не ушла без интеллигентного «спасибо» родителям. Прямо фотопопа назревала!

- Что это было? - оторопел Макс.

- Киса вчера ходила на пробный урок в институт хороших манер юных княгинь... - начала я.

И тут в комнату опять влетела Киса.

– Маман и папан, ауф... э... э... забыла! Слово забыла! Сегодня опять на занятия пойду. Меня приняли в пенсионерки! Княгиня берет только пять девочек. Маман и папан... ауф... ауф... Ну почему я забыла? Это жуткая фотопопа. Как прощаться интеллигентно? Ауф... вер...

– Ауфвидерзеен, – подсказал Вульф.

– Ой, точно, – обрадовалась малышка, – мерси, папан!

Когда Киса умчалась в прихожую, Макс стал давиться смехом.

– Немедленно прекрати, – зашипела я, – ребенок обидится.

– Папан в шоке, – простонал Вульф, – сейчас скончаюсь. Ваши реверансы выглядели восхитительно. Лампа, ты так интеллигентно-воспитанно шлепнулась на пол. Падение поразило меня своей грациозностью! Слушай, почему Кисуля говорит: «Мрак и туман»?

– Не знаю, – ответила я, – выясню сегодня вечером. Меня еще интересует, что такое фотопопа?

Макс рухнул головой в тарелку.

– Умираю! Воды! Институт хороших манер юных княгинь! Магазин «Товары для настоящих дворян». Ее приняли в пенсионерки. Сейчас скончаюсь.

– Мне и в голову не могло прийти, что Кисе там так понравится, – недоумевала я, – она изо всех сил старается применить на практике полученные на уроке знания. Ну, перепутала девочка слова «пансионерка» и «пенсионерка», ничего страшного.

– Попрошу Николашу проверить это учебное заведение и его владелицу, – пообещал Макс, – если там все чисто, то пусть Киса ходит, скоро ей надоест реверансы делать. Съездите в этот магазин, купите ей пару нужных габелей. Ненадолго сия история. Я пока ничего плохого в этом не вижу. Научится есть ножом и вилкой, уже хорошо. Короче, папан собрался в офис. А маман?

- Едет к академику Решеткину, отцу Сергея, - отрапортовала я.

Глава шестая

- Вы не похожи на детектива, - сказал Николай Викторович.

- А как, по-вашему, должна выглядеть женщина-сыщик? - спросила я.

- Никак, - вздохнул Решеткин, - некоторые профессии нужно оставить мужчинам.

- Если я не ошибаюсь, то первой женщиной, которой разрешили учиться на врача, стала в тысяча восемьсот шестьдесят шестом году Надежда Суслова, - напомнила я, - до нее в эту профессию принимали только мужчин.

Николай Викторович поднял руки.

- Туше?[1 - Туше? (toucher, фр.) - в фехтовании колющий удар, нанесенный в соответствии с правилами.]. Что привело вас ко мне? При беглом внешнем осмотре никаких неврологических проблем у вас я не заметил. Кто болен? Муж? Отец?

- Супруг здоров, папа давно умер, - ответила я, - мой визит связан с вашим сыном.

- С Сережей? - изумился академик. - Что случилось?

Я рассказала о визите Джейн, лицо Николая стало хмурым.

- Да, у Сережи нет мизинца. Но он не помнит, где, когда и как его потерял. Если рану мальчику зашил врач, то голову ему надо оторвать. Следовало сделать операцию, исправить безобразие, но... Хорошо, давайте по порядку. Вы угощайтесь кофейком, у нас его вкусно варят.

Я взяла чашку, а Николай Викторович завел рассказ...

Более двадцати лет назад Решеткин организовал комиссию по проверке детских домов, куда отправляли детей с психиатрическими проблемами. Сподвигло его на это письмо воспитательницы такого интерната. Она сообщила об ужасных условиях, в которых живут несчастные ребята, о том, как над ними издеваются взрослые, о краже продуктов, постельного белья, о карцере...

Возмущенный до глубины души Николай, тогда уже академик, свалился на не ожидавшую ничего подобного заведующую. Поскольку ее не предупредили о визите комиссии, в интернате не успели создать «потемкинскую деревню», и проверяющие убедились в правдивости доклада воспитательницы.

Разозленный до предела Решеткин пригрозил заведующей тюремным сроком, а ее прихлебателям – розгами на Красной площади. Потом он решил сам осмотреть каждого воспитанника, отделить детей с настоящими психиатрическими проблемами от тех, у кого были нарушения поведения, связанные со стрессом, травмами, педагогической запущенностью. Николай несколько дней приезжал в проклятое место со своими сотрудниками. Последним пациентом стал мальчик, который его заинтересовал.

– Как тебя зовут? – спросил академик.

– Я сам думал над этим вопросом, – ответил подросток, – вроде Сережей. Про фамилию не спрашивайте. Она затерялась в омуте незнания. Я словно Фродо, бреду в тумане, только кольца нет.

– Ты читал книги Джона Толкиена? – удивился Решеткин.

– Да, – оживился мальчик. – А вы?

У доктора с пациентом завязался разговор, в процессе которого Решеткин понял: мальчик умен не по годам, по развитию обгоняет детей своего возраста, рассуждает, как взрослый, у него есть моральные принципы. С ним было интересно общаться. Сергей прочитал тьму книг.

Поскольку парень находился в психоневрологическом интернате, в документах у него был указан диагноз олигофрения и что он сирота, Николай осторожно осведомился:

- Где ты брал литературу?

Сережа задумался.

- Логично предположить, что в библиотеке.

- Дома? - уточнил врач.

- Не помню, но думаю, нет, - ответил мальчик, - слово «дом» не ассоциируется у меня с книгами.

Поскольку подросток не занервничал, услышав последний вопрос, Николай продолжил:

- Что ты помнишь из своего прошлого?

Сережа потер лоб ладонью.

- Вода. Я тону. Это все.

- Река? - уточнил академик.

- Не знаю, была вода, - повторил парень, - но раз я сейчас с вами беседую, то я не захлебнулся...

Николай Викторович отвернулся к окну и сказал:

- Даже при беглом осмотре мне стало понятно, что ни о какой умственной отсталости в этом случае речи нет. Почему мальчик оказался в психоневрологическом интернате? Я спросил у него:

- Как тебе здесь живется?

Честно говоря, я ожидал услышать рассказ о неприятностях, побоях, голоде, обо всем, о чем говорили те, с кем я ранее беседовал, воспитанники, которые могли внятно разговаривать. Сергей меня удивил, он ответил:

– Интернат очень старый, говорят, ему более ста лет. Здесь есть библиотека, я случайно ее обнаружил, искал место, где можно посидеть в одиночестве, подумать о жизни, набрел на запертую дверь, открыл ее и увидел длинный коридор. Интересно?

Я кивнул, он продолжил:

– Пыль там лежала толстым слоем, двери вели в разные комнаты... Я понял, что здесь раньше чья-то квартира была. В ней много чего осталось: мебель, занавески, картины, посуда. А потом распахиваю очередную дверь. Библиотека! Я нашел там такие книги! Невероятные! Еще дореволюционные, с ятями, фитой. Тут после завтрака можно делать что хочешь, главное, не шуметь, не бегать. И я бросился к полкам. Кресло удобное там стояло. Сажу, читаю. Вот же повезло. Хотите, покажу вам библиотеку?

Рассказ меня удивил, насторожила фраза про то, что он открыл запертую дверь, и я спросил:

– Как же ты с замком справился?

Сережа засмеялся.

– У Жюль Верна научился. В его романе «Таинственный остров» написано, как отмычку сделать.

Все мои подозрения насчет принадлежности паренька к криминальной среде отпали разом. Ну и что теперь делать с юным книголюбом, который с недетским смирением отнесся ко всему, что с ним случилось? И, главное, что именно с ним произошло?

Николай Викторович покачал головой.

– Запал мальчик мне в душу, я стал выяснять его историю, она оказалась непростой. Один человек в начале августа отправился в лес то ли за грибами, то ли за ягодами. И на опушке увидел подростка, тот лежал в траве. Мужчина, уж не помню, как его звали, попытался поговорить с ним, увидел, что реакции нет, и совершил христианский поступок: отнес паренька в свою машину и доставил в больницу. Никаких документов при мальчике не обнаружили. Из одежды на нем была какая-то рванина. То ли он был бомж, то ли так долго бродил по лесу, что весь обтрепался. Понятное дело, врачи связались с милицией. Приехал сотрудник, побеседовал с подростком в присутствии доктора. Разговор был примерно такой.

– Как тебя зовут?

– Не знаю.

– Где ты живешь?

– Не помню.

– Кто твои родители?

– Не знаю.

– Ходишь в школу?

– Не помню.

Николай Викторович стукнул ладонью по столу.

– На основании сего диалога великий невролог, а заодно и психиатр, психолог, невропатолог, может, в придачу еще хирург и гинеколог, врач из местной богом забытой больницы сделал вывод, что перед ним олигофрен. Вот просто так сразу решил. Глаз-ватерпас был у специалиста, он всех профессоров умнее. Вот так с ходу: олигофрен! Паренька подлечили. Воспаление легких у него было, синяки по всему телу. Но он не наркоман и точно не алкоголик. Был недобор веса, значит, не особенно сытно питался. Из медучреждения его определили в интернат. Там он сказал, что, наверное, его зовут Сергеем. Так и записали.

Фамилию дали Потапов. Почему? А спросите у них! День рождения придумали, год установили навскидку – лет двенадцать. О методиках выяснения точного возраста подростков тамошние «великие» медики и не слышали. Лев Выготский справедливо заметил: «Проблема возраста не только центральная для всей детской психологии, но и ключ ко всем вопросам практики». Но трудов Выготского, который опередил свое время, соединил педагогику с психологией, в той клинике никто не читал. Милиция тоже не усердствовала, сотрудники сочли подростка бродяжкой. Каков был результат совместных усилий врачей и следователей? Отправка паренька в психоневрологический интернат с диагнозом-клеймом. Я определил его возраст как четырнадцать лет. Сделал необходимые исследования. Один вопрос снялся, возник другой: ну и что теперь делать?

Глава седьмая

Николай Викторович взял кофейник и наполнил мою чашку.

– У нас с женой детей не было. Мы их просто никогда не хотели. Алевтина Семеновна была талантливой балериной, а для танцовщиц беременность очень часто означает конец карьеры. Я же был весьма эгоистичен, ценил дома тишину, покой, уют и хотел, чтобы супруга заботилась только обо мне. Младенческие крики мне не по душе, общение с подростками тоже. Но вот прикипел я к Сереже душой, сначала брал его в гости к нам на пару часов. Первый раз с большой опаской, а ну как он себя плохо поведет. Но нет! Удивительное дело, парень оказался на редкость воспитанным, ловко орудовал вилкой, ножом, не перебивал взрослых, после обеда поблагодарил: «Спасибо, было очень вкусно». Похвалил угощение: «Салат замечательный. От котлет я еле оторвался», и предложил: «Разрешите помыть посуду?»

Я понял, что он таким образом хочет нас отблагодарить, и, несмотря на наличие в доме прислуги, ответил:

– Будем рады твоей помощи.

Сергей все идеально убрал. После чего я ему предложил:

– Есть два варианта отдыха: включу тебе фильм на видике или мы можем сразиться в шахматы.

Он так обрадовался.

– Шахматы! Да! С удовольствием!

Я пошел за доской, жена со мной.

– Милый, ты же в студенческие годы на соревнованиях побеждал, уж поддайся мальчику.

Я ее успокоил:

– Конечно. Я не собираюсь самоутверждаться за счет его поражения.

Сели мы с ним за стол. Ну и... я проиграл! Представляете? Вот совсем не ожидал. Предложил реванш, и опять Сергей меня победил. Я завелся. Начали третью партию, парень допустил ошибку, причем в простой ситуации. Вечером я отвез Сережу в детдом, я тогда уже добился его перевода из психоневрологического интерната в обычный приют. Вернулся домой. Жена мне говорит:

– Милый, ты понял, что Сережа тебе поддался? Сначала он честно сражался, а потом увидел, что ты занервничал, и помог тебе победить.

Я усмехнулся.

– Да я уже сообразил. Хороший мальчик, и умный в придачу.

Ну и стал я его почаще в гости забирать. Где-то полгода он к нам приходил и открывался все с лучшей и лучшей стороны. В конце концов Аля предложила:

– Давай Сереженьку к себе заберем.

Я обрадовался, у самого та же мысль появилась, но я не знал, как жена отреагирует. Парнишка стал членом нашей семьи, и не было дня, когда бы мы

пожалели о своем решении. Более заботливого, внимательного, умного сына просто нет на свете. Но мы так и не знаем, из какой он семьи, где его родители, в каких местах он провел первые годы жизни. Вот вам еще штрих. Когда Сережа перебрался к нам навсегда, я, естественно, решил определить его в лучшую школу. Знакомств у меня много, я нашел нужную, поговорил с директрисой, объяснил ситуацию. Она, женщина умная, сострадательная, предложила:

- Давайте мальчика в спокойной обстановке протестируем, определим уровень его знаний.

Когда Сережа сел за стол, педагог ему объяснила:

- Отметок тебе никто ставить не собирается. Просто мы хотим понять, в какой класс тебя определить. Папа подождет в коридоре. Не нервничай.

Подросток улыбнулся.

- Я все понял! И совершенно спокоен.

Я провел в холле, наверное, часа три. В кабинет заходили разные учителя, выходили они оттуда с явно озадаченными лицами. Потом меня вызвали, в комнате были Сережа и четыре педагога. Мальчика попросили выйти. Директриса заявила:

- Ему нечего делать в нашей гимназии.

Я расстроился, но виду не подал.

- Скажите, каков, на ваш взгляд, уровень его знаний? Четвертый, третий, второй класс? Мы найдем репетиторов.

- Если речь идет о математике, - ответила другая женщина, - то, наверное, второй курс мехмата!

- Русский язык безупречен, - добавила еще одна учительница, - речь прекрасная, список прочитанной литературы огромен.

– Читает, пишет по-английски без ошибок, – сказала преподаватель иностранного языка, – словарный запас у него богатый. Вот произношение отвратительное. Он мне объяснил, что сам учил язык по древнему учебнику, который нашел в библиотеке. Там объяснялось, как звуки проговаривать, но, конечно, он ничего не понял. Заодно с английским парень освоил латынь и древнегреческий, там нашлись пособия и по этим языкам.

– В нашей гимназии Сереже делать нечего, – повторила заведующая, – мы его ничему научить не можем.

– Скорей он нас научит, – засмеялась «англичанка», – в детском коллективе мальчик не приживется. Слишком уж необычен, умен и образован. Отдайте парнишку в гимназию Льва Майнштейна, он только таких и берет.

Решеткин снял очки, протер их и снова надел.

– Вот, собственно говоря, и все. Школа Майнштейна была прекрасной. Сережа там просто расцвел. Затем был мединститут, который парень окончил с красным дипломом, ординатура. На выходе мы получили прекрасного, умного врача, пока кандидата наук, но Сережа молод, дорастет еще до докторской мантии и академической шапочки. Со временем я построил медцентр, Сережа сейчас заведует там отделением и стал моим заместителем. Это не кумовство, это по заслугам. Вам не кажется странным, что Евгения озаботилась поисками пропавшего сына спустя много лет? Где она раньше-то была? В тюрьме сидела?

– Нет, работала в банке, – уточнила я, – вы правы, если Кабанова мать Сергея, то ее поведение более чем странно.

Хозяин кабинета шумно вздохнул.

– Не скрою, меня взволновало появление матери. Думаю, надо решить вопрос радикально. Поговорю с Сергеем, попрошу его сделать анализ ДНК, и узнаем истину. Дама может оказаться глупой мошенницей, она случайно узнала историю Сергея и решила пожить в семье. Мы не скрывали усыновление, друзья в курсе. Да и как объяснить появление в семье подростка? Но на всех углах о том, как мы обрели сына, не кричали. Круг общения у нас достаточно велик, а то, что знают двое, становится через некоторое время известно многим. Если Кабанова врунья, то она откажется от анализа ДНК. Позвольте теперь задать вам вопрос.

Чем дольше я смотрю на вас, тем больше вы мне напоминаете Оленьку, добрую знакомую Али. Они часто встречались на сборных концертах. В советские времена эти мероприятия пользовались большой популярностью и были серьезным финансовым подспорьем для людей искусства. Аля часто выступала с бессмертной хореографической миниатюрой «Умиравший лебедь». Знаете ее?

– Да, – кивнула я, – поставлена Михаилом Фокиным в тысяча девятьсот седьмом году для балерины Анны Павловой на музыку Сен-Санса из сюиты «Карнавал животных».

– У вас глубокие музыкальные знания, – заметил Николай Викторович.

– Я окончила консерваторию по классу арфы, – пояснила я.

– Так, так, – проговорил академик, – вместе с Алей на концертах часто бывала Оля, певица. Голос чарующий, Аля и Оля стали поддерживать отношения, ходили друг к другу в гости. Потом Оля родила дочь, осела дома, перестала выступать. Муж у нее был блестящий генерал и ученый. Пару раз Оленька к нам приезжала с девочкой, звали ее... э... э... русское имя какое-то. Но не Евлампия. Евдокия? Епифания? Как-то так вроде. Вы очень похожи на Ольгу. Просто копия! Улыбка! Поворот головы. Жесты.

– Ольга Петровна и Андрей Петрович Романовы, певица и ученый с генеральскими погонами, мои родители, увы, покойные, – сказала я. – Дочь они называли Ефросиньей. Имя Евлампия в моем паспорте появилось позднее.

– Солнышко, – обрадовался Николай Викторович, – вот какие контрдансы госпожа судьба подчас выплясывает! Помню вас очаровательной девочкой. Мы с Алей уже не юны, но еще не стары, полны планов. И Оля была такая же. Дочь у нее как ангел! Вы обязаны завтра приехать к нам на ужин! Не спорьте! И не отказывайтесь. Сами поговорите с Сережей. Авось он что-то интересное предложит. А Евгении передайте: Решеткин предлагает ей пройти тест ДНК. Уже по реакции Кабановой на это многое станет понятным.

Когда мы с Кисой вошли в магазин, я слегка приуныла, сразу стало понятно, что в этом пафосном месте цены будут отнюдь не либеральными.

– Рады видеть вас в нашей скромной лавке, – медовым голосом произнес мужчина в дорогом костюме.

Выглядел он просто как Джон Бэрримор, дворецкий Баскервилей.

– Что изволите?

– Добрый день, – улыбнулась я и посмотрела на Кису.

Та сдвинула брови, потом сделала книксен и сказала:

– Здравствуйте. Нам необходимы разные вещи для еды в интеллигентной, хорошо воспитанной семье. Где их можно посмотреть? Спасибо. Пожалуйста. Будьте любезны. Приятного аппетита!

Завершив сию тираду, малышка присела в реверансе.

– С огромным невероятным удовольствием продемонстрирую прекрасно воспитанной юной княгине весь ассортимент, – пообещал «дворецкий». – Как прикажете к вам обращаться?

– Я Киса, – представилась наша школьница, – а маман зовут Лампой, спасибо, будьте любезны, пожалуйста. Хорошего аппетита. Гутен... э... э...

Киса горестно вздохнула.

– Забыла! А как вас зовут?

– Генри, – ответил «дворецкий» и нажал на кнопку в стене.

Занавески раздвинулись, за ними оказалось не окно, а большой, почти во всю стену экран.

- Разрешите дать вам совет, - продолжил «Бэрримор», - не приобретайте сразу все наборы. Возьмите малый для завтрака, он же может подойти и для ужина, так как мы часто едим одни и те же блюда. Подождите пока с комплектами для приема гостей.

- Почему? - надулась Киса.

- Ангел мой, - проворковал «дворецкий», - сколько гостей чаще всего приходит к вам на динэ, то есть обед? Примерное число можете назвать?

Девочка помолчала, потом выпалила:

- Десять, наверное. Но это по праздникам. А просто так... трое... четверо.

- Юная княгиня должна жить экономно, - напомнил Генри, - расточительство это...

- Фотопопа! - воскликнула Кисуля.

Лицо «дворецкого» на секунду стало удивленным, потом на нем вновь заиграла улыбка, и «Бэрримор» продолжил:

- Гранд ансамбль артиклей де табле предполагает званый ужин на триста кувертов. Нерачительно держать его в доме, где хозяева предпочитают камерные мероприятия. Ваш лучший выбор - фамилиен, то есть семейный комплект, он рассчитан на двадцать персон. Могу его продемонстрировать?

- Да, да, да, - обрадовалась Киса.

Генри зашел за ширму, на экране появилось изображение ложки.

- Яйцелефель, - торжественно провозгласил дворецкий.

В памяти бывшей троечницы Романовой неожиданно всплыла полная фигура Нины Ивановны, преподавательницы немецкого языка.

– Все давно выучили, запомнили, что лефель по-немецки «ложка», «габель» – вилка, мессер – нож, чашка – тассе. А Фрося у нас в облаках витает и ничего не знает.

Я вздрогнула, потрясла головой и уставилась на экран. Яйцелефель – это определенно ложка, которой нужно есть яйца.

– Этот комбинированный набор наиболее удобен, – говорил «Бэрримор», – он многофункционален. Включает в себя резак и откусыватель. Можно купить все предметы отдельно. Но какой в этом смысл? Это и дороже, и места на столе больше занимает. Далее. Кашалефель. Подходит не только для овсянки, гречки, полбы и других злаков, сваренных на молоке или воде, но и для омлетов и тушеных овощей. Мясогабель...

Голос Генри звучал усыпляюще, продавец говорил, как ручей журчал. Мои глаза начали сами собой закрываться... До ушей долетали обрывки слов. Маслоmesser, кофетассе, чаепоф... Мне стало так уютно, спокойно... И вдруг кто-то укусил меня за бок. Я подпрыгнула и воскликнула:

– Что это было?

– Заварочный чайник с шестью носиками для забавного чаепития, – пояснил «Бэрримор». – Понимаю вас, это выглядит странно. Вы изучили весь фамилиен комплект. Посидите, посоветуйтесь, подумайте.

«Дворецкий» вышел из-за ширмы и подал мне кожаную папочку.

– Здесь наше предложение по цене. Как правило, привилегированная скидочная программа действует после первой покупки. Но с вами пришла такая воспитанная юная княгиня, что я готов нарушить правила и предложить вам минус двадцать процентов прямо сейчас. Удаляюсь. Посоветуйтесь. Когда примете решение, нажмите кнопку на столике, который находится перед вами. Я появлюсь быстрее ветра.

«Бэрримор» развернулся и был таков.

– Ты спала! – обиделась Киса. – Это фотопопа, причем два раза. Демонстрация неуважения ко мне и Генри! Не ущипни я тебя, ты легко могла бы свалиться с кресла на пол. Такое поведение уже даже не фотопопа, а прямо фотопопища!

Мне стало стыдно.

– Прости, дорогая, честное слово, это случайно получилось. Но я все прекрасно разглядела!

– Мы же возьмем набор? – прошептала Киса.

Я открыла папочку, которую мне вручил «дворецкий», увидела цену комплекта и закашлялась. Когда приступ кашля удалось купировать, я прошептала:

– Кисуля, нам это не по карману!

Девочка взяла у меня прайс и перелистнула страницы.

– Дорогая маман, ты выбрала набор из чистого серебра с драгоценными камнями. Но комплекты у них разные. Смотри, этот без украшений.

Я покосилась на цифру.

– Уже лучше, но все равно жуть.

Киса закатила глаза.

– Мрак и туман! Так говорить невоспитанно и неинтеллигентно. «Жуть» – лексикон извозчиков. Настоящая княгиня скажет... э... э... Ну, по-другому как-нибудь. Ты изучи все, что Генри дал.

Но я уже сообразила, что товары в каталоге представлены как обычно: сначала самые дорогие вещи, а потом те, что подешевле. Я быстро перелистала брошюрку и наткнулись на «Прекрасное предложение для рачительных, правильно воспитанных княгинь, умеющих экономно использовать семейный бюджет». Этим дамам предлагался набор из прочной экологически чистой пластмассы с покрытием, имитирующим серебро. Я молча рассматривала

фотографии. Ну и почему за сию пластиковую фигню столько требуют?

- Это вовсе не пластиковая фигня, - обиделась Киса.

Я удивилась.

- Что, дорогая?

- Ты сказала: «Почему за пластиковую фигню столько требуют?» - повторила малышка. - Ну... хорошо... давай ее не покупать... я попрошу, чтобы меня исключили из чаепительного списка.

Я опешила, надо же, я выразила свое недоумение вслух, но теперь у меня новая проблема.

- Прости, милая, не понимаю. Чаепительный список?

- У нас вскоре состоится выездной урок, - зачастила Кисуля, - сейчас в институте занимаются три молодые княгини. Себя я не считаю. Мы будем тянуть жребий. И все пойдут на чаепитие к тому, кто выиграет. Сначала угостимся, потом разберем ошибки, которые совершили. Это практическое занятие.

- Практическое, - поправила я.

- Практическое, - прошептала Киса, - пойдем домой! Я добровольно выйду из чаепительного списка.

Мне стало жалко малышку.

- Послушай, мы забыли про двадцать процентов скидки!

- Точно! - подпрыгнула девочка.

Я нажала на кнопку, «Бэрримор» в ту же секунду возник в комнате.

- Рад, что вы приняли решение.

– Сорок процентов скидки, подарок, и мы берем этот набор, – заявила девочка, тыча пальцем в каталог.

– Ангел мой, это невозможно, – расцвел в улыбке Генри, – двадцать!

– У вас покупателей вообще нет, – вкрадчиво сказала Киса, – мы одни. Если уйдем, вы ничего не продадите. Влетит вам, наверное, от хозяина.

Генри прикусил губу.

– Двадцать два процента.

– Отличное предложение, – обрадовалась я и получила тычок от Кисы, которая продолжила мою фразу:

– Правильно, Лампа, отличное предложение для того, чтобы немедленно уйти. Пошли.

– Двадцать пять, – быстро добавил «Бэрримор».

– Думаю, это... – начала я.

– Настоящая обида для маман, – живо договорила Киса, – уходим! Вы совершили ужасную фотопопу!

– Двадцать шесть, – предложил Генри.

– Пожалуй, мы... – завела было я.

– Поедем в другой магазин, – отчеканила Киса и наступила мне на ногу.

Я поняла, что мне лучше замолчать и просто наблюдать за торгом.

Ушли мы через час, унося коробку с гранднабором для завтрака.

Всю дорогу до дома Кисуля ликовала в машине.

– Пятьдесят процентов! Лампуша! Мы купили роскошный, восхитительный, самый прекрасный, наилучший...

Девочка задохнулась от восторга и замолчала.

– Я понятия не имела, что ты умеешь торговаться, – с запозданием удивилась я.

– Впервые попробовала, – выдохнула Киса, – я видела программу по детскому телевидению. Там один мужчина объяснял, как надо себя вести девочке на рынке, чтобы купить все самое лучшее за полцены. Главное – применить правило Тофика и Фанди. Оно такое: если тебе нужно кого-то переспорить, спорь, пока язык не отвалится! Вот я и старалась.

– Кто такие Тофик и Фанди? – только и смогла спросить я.

– Неужели ты не смотрела мультик «Инопланетная хрень и все ее друзья»? – изумилась Киса.

– Наверяд ли воспитанная юная княгиня может произносить слова «инопланетная хрень», – укорила я Кису.

– Это название, – возразила девочка.

Я молча свернула в переулок. Интересно, кому пришло в голову дать анимационной ленте такое название? «Гуси-лебеди», «Красная шапочка», «Али-Баба и сорок разбойников», «Приключения Незнайки»... и вдруг – «Инопланетная хрень и все ее друзья»! Не знаю, как вам, а мне не хочется заводить знакомство с этой хренью.

Глава девятая

Рано утром мы вместе с Мишей Вуколовым съехали со МКАДа и через пару километров свернули на шоссе, которое вело в деревню Горяево. Но когда мы въехали в нее, стало понятно: населенного пункта, в котором жил пропавший мальчик Сережа Кабанов, больше не существует. Жители продали свои избы и разъехались. На месте срубов возникло несколько коттеджных поселков, не самых фешенебельных, но и не дешевых. Дом Джейн стоял особняком у самого леса, который, как ни странно, никто не вырубил.

Припарковавшись у высокого сплошного забора, мы нашли калитку и позвонили в домофон. Никто не ответил. Я замерла. Может, Евгения спит? Вчера вечером Костин договорился с ней, она дала согласие на сдачу анализа ДНК, но сказала:

– Все за ваш счет, у меня нет денег ни на анализ, ни на дорогу в город. Еле до пенсии дотягиваю.

И сейчас перед нами стоит задача взять у Евгении защечный мазок. Миша будет орудовать ватной палочкой, а я должна снять видео процесса.

– Результат анализа, который добыт таким образом, можно легко оспорить, – предупредил нас Макс, – но мы же в суд не пойдем. Просто нам нужна информация. Если Джейн мать Сергея, то это одна история, если нет, то другая. Заодно походите там по местности, вдруг что-то интересное разведаете.

– И куда Кабанова подевалась? – удивился Миша. – Вчера обещала сидеть дома.

– Может, она спит? – предположила я. – Или в магазин отправилась.

– Так у нее денег нет, – хмыкнул Вуколов.

– Все у Джейн есть, – отмахнулась я, – Энтин же объяснил – у нее синдром Гобсека. Смотри, какой большой дом. Если ты живешь на пенсию, тебе даже на оплату электричества в таком особняке не хватит. Давай пройдемся по округе, поговорим с местными.

– Да тут вокруг только заборы, – вздохнул Вуколов, – ворота закрыты, нас охрана не пустит. Аборигенов здесь давно нет. Сомневаюсь, что обитатели коттеджей слышали про Кабанову.

- Вон там дорожка, - не успокаивалась я, - надо посмотреть, куда она ведет.

- Да никуда, - зевнул Миша.

- Если протоптали тропинку, то по ней определенно кто-то ходит, - не сдалась я, - вдруг там магазин? Мы войдем, а у прилавка Джейн стоит.

- Сходи одна, а? - попросил Вуколов. - Умираю, спать хочу. Настена сегодня всю ночь зажигала, у нее зубы режутся. Я ее тряс, тряс, да все впустую. Сбегай одна, пожалуйста! Я пока в машине подремлю. Утро на дворе, светло, тепло, птички поют, солнышко светит. Чудесная погода... Никакой опасности для девушки-красавицы нет.

Я поежилась.

- Да уж. Тепло, прямо жарко, минус два-три, наверное, с неба «крупя» валится. Ветер с ног сбивает. Ладно, посмотрю, что там, и вернусь.

- Спасибо тебе огромное, - обрадовался Вуколов и полез в джип.

Я натянула капюшон и пошла по тропинке.

Сначала дорожка была узкой, потом расширилась, привела меня на пригорок, резко свернула направо, и я увидела несколько старых домов, в окнах которых горел свет.

Я обрадовалась. Лампа, ты молодец, правильно сообразила! Вот она, часть Горяева, которая дожила до новых времен! Определенно ее жители знают Джейн, возможно, расскажут мне нечто интересное, объяснят, куда она подевалась с утра.

Я приблизилась к первому дому и постучала в дверь. Тишина. Пришлось снова постучать. Снова никакой реакции. Я посмотрела на часы. Уже одиннадцать! Говорят, сельский люд встает с рассветом, и свет в доме горит. Почему никто не откликается на стук? Ладно, пойду попытаю счастья в другом месте.

Я вздохнула, повернулась спиной к двери, хотела уже сделать шаг, и тут раздался голос:

- И кто ко мне пришел? Кто пендельтюр шатает?

Женщина говорила ласково, потом дверь приоткрылась, и из-за нее на меня выплеснули массу ледяной воды.

- Мама! - взвизгнула я.

Дверь распахнулась настежь, я увидела женщину в теплом халате, она держала в руке пустое ведро.

- О господи! - ахнула незнакомка. - Вы человек!

- Ну да, - простонала я и затряслась от холода.

Тетушка бросила бадейку.

- Заходи скорей, сейчас тебе полотенце дам, чай напою! Уж прости дуру старую! Достала нахалка всех! Ходит, по сараям шарит, яйца у кур тащит, а то и несушку сопрет.

Продолжая причитать, хозяйка втащила меня в сени.

- Снимай куртку, сейчас живо ее высушу. И свитер стаскивай. Не конфузья, я медсестра, всего навидалась, ничему не удивляюсь.

Минут через пятнадцать я, завернутая в огромный байковый халат, сидела на кухне и пила чай, который цветом напоминал отвар сена.

- Прости бабку глупую, - каялась хозяйка, - лиса к нам повадилась. Наглая! Хитрая! Ночью орудует, тащит все, что хочет. Сейчас я услышала стук. Ну кто сюда придет? Наши двери открывают без предупреждения, мы тут всю жизнь провели, то ругаемся с соседями, то обнимаемся. Родственниками стали. А чужие здесь не ходят. Поселки построили, там живут люди с достатком, наши, слава богу, все на работу к ним устроились. Уходят рано. К семи уже на службе,

кто у кого чем занят. А я в местной больнице медсестрой работаю, сутки через двое. Вчера отпахала, сегодня балдею. Слышу, значит, стук. И кто колотится? Соседки давно людям полы трут, дороги метут. Что за ирод во дворе шарится? Так лиса же! Зараза! Уже утром пришла. Ну, думаю, сейчас выдам тебе! Получишь душ ледяной. И плесканула на крыльцо. И вон чего вышло! Ты вообще кто?

- Евлампия, - представилась я, - но меня лучше звать Лампой. А что такое пендельтюр? Вы сказали: «Кто пендельтюр шатает».

- Имя у тебя, как у поповны, - ухмыльнулась хозяйка, - а я Олимпиада. Если коротко - Липа. Пендельтюр - дверь, так моя бабушка говорила, она у немцев горничной служила. «Тюр» на ихнем языке - дверь. Ну а пендель понятно что.

- Вы, наверное, знаете Джейн, - продолжала я.

- Кабанову? - поморщилась собеседница. - А как же! Вон оно что! Вот никогда бы тебе не сказала! Не любительница я в чужие дела нос совать и поучать молодых не берусь. Папаша мой говорил: «Скорость звука самая на свете низкая. Мать чего-то в двенадцать лет детям внушала, а слова ее до нас дошли, когда нам уж за сорок перемахнуло». Уж я над ним посмеивалась. А ведь прав отец-то, он мне внушал: «Меньше о других сплетничаешь, крепче спишь, спокойнее живешь». Вот я никому ум в голову не запикиваю, но раз уж водой тебя умыла... посоветую. Уезжай-ка ты домой. Не связывайся с клопихой. Потом долго плакать будешь, да поздно!

- С клопихой? - повторила я. - Это кто?

- Да Джейн твоя - жена клопа! - воскликнула Олимпиада. - Слышала о таких насекомых? В постелях грязных живут, кусаются.

Глава десятая

- Знаю про кровососов, - улыбнулась я, - но с ними пока не сталкивалась. А почему вы так Кабанову называете?

- Джейн, - поморщилась Олимпиада, - это она себе имечко придумала. Да все в курсе - Женька она! Евгения, блин, Ивановна. Сына у нее убили, хорошего такого паренька, а ей по фигу! Не ходи к ней, пропадешь. Поверь мне! Лучше подумай: тебе до смерти нужно то, из-за чего ты в долговую яму лезешь? Если кто болен, на операцию деньги ищешь, на лечение, тут уж поделать нечего. Но ежели хочешь машину, квартиру купить, крепко мозгами раскинь! Все рассчитай и только тогда ступай в банк. Но не к Кабановой, она тебя разденет догола!

- Евгения дает деньги в долг? - осенило меня.

- Ну да, - подтвердила Липа. - А ты что, не знала? Зачем тогда прикатила?

Я достала из сумочки удостоверение и показала его приветливой женщине.

- Детективное агентство, - прочитала та, - как в кино прямо! Что случилось-то?

- Вы сказали, что у Евгении убили сына, но он вроде пропал без вести. Вдруг парень просто сбежал? Почему вы думаете, что его лишили жизни? - задала я свой вопрос.

- Значит, слушай, - оживилась Олимпиада и завела рассказ.

Родители Джейн отличались патологической жадностью. Отец Жени - председатель сельсовета, или, на современном языке, местный мэр, ничего никому не делал просто так. Самую простую справку без взятки не выдавал. Мать Евгении была врачом, заведовала небольшой больницей и вела себя как муж. Такая семья не должна была испытывать материальных трудностей. Но все Кабановы бедно одевались, глава семьи носил самые дешевые часы, а его супруга не сверкала даже дешевыми украшениями. Куда они девали деньги? Жители Горяева и близлежащих сел знали: если тебе срочно нужна некая сумма, иди к Ивану Петровичу, он даст деньги сразу. Но ты потом вернешь долг с процентами. Когда отец умер, ростовщицеством занялась Мария Алексеевна, мать Жени. А после ее кончины «ссудной кассой» стала рулить Джейн.

Вся округа знала, что молодая Кабанова хочет выйти замуж. Она не скрывала своего желания, частенько забегала к Лидии, местной свахе, и робко интересовалась:

– Может, для меня жених найдется?

Кое-кто из местных парней с большим удовольствием мог отвести Евгению в загс. Их привлекало богатство невесты, поэтому они проявляли к ней интерес. Джейн радовалась каждому новому кавалеру, короткому периоду ухаживания, подаркам, которые ей дарили, и в конце концов пускала претендента на ее руку и сердце в дом, укладывала в свою постель. Но ни один из женихов совместного проживания не выдержал. Самым терпеливым, считай, жадным, оказался Степа Маслов, он провел с Кабановой три месяца. Когда парень вернулся домой, его мамаша, злоязыкая Катерина Петровна, растрепала в местном магазине, как живет самая богатая невеста околотка: спит на рванине, питается просроченными продуктами и, чтобы поменьше платить за газ, моется холодной водой.

– Пусть у нее «бабок» полные подвалы, но жить с жадиной невозможно, – резюмировала Маслова.

Через какое-то время ручеек лиц мужского пола, который вяло тек к Кабановой, иссяк. От кого она забеременела и родила мальчика? Даже сейчас, когда прошло много лет, этот вопрос нет-нет да и всплывает в беседах немногочисленных теперь местных кумушек.

Ребенок у Джейн получился странный. Люди, которые приходили к Кабановой, никогда не слышали детского плача.

Как только сыну исполнилось три месяца, Джейн отдала его в ясли, затем мальчик переместился в детский сад, потом в школу. Дети не любили Сережу, дразнили его, а порой откровенно издевались над ним, называли нищим придурком, на всю голову больным. В чем причина такого отношения? Кабанов одевался в отрепья. У него никогда не было при себе конфет, печенья, которыми можно угостить приятелей. Евгения отказалась платить за обеды в школе, но директриса, добрая женщина, оформила ученика как неимущего, и Сергей стал получать бесплатные обеды. Вечно голодный мальчик съедал их до крошки, а у местной детворы считалось нормой кривить нос при виде «изысков» школьной столовой и презрительно говорить:

– Такое дерьмо даже собаки не едят.

Сережа же лопал и суп, и скользкие холодные макароны с аппетитом. Одноклассники прозвали его жруном. Сидел мальчик один на последней парте. Только в пятом классе у него появилась соседка – Майя Трошина, девочка, у которой из родных была только бабушка. Почему она пересела к Кабанову?

Как-то раз школьники начали в очередной раз дразнить Сережу, тот, по своему обыкновению, молчал, сидел на перемене за своим столом, читал какую-то толстую старую книгу. Федя Круглов, весьма недовольный тем, что жертва не реагирует, выхватил у него том.

– Отдай, пожалуйста, – попросил Сережа, – книга не моя. Взял ее в библиотеке в Москве. Если порвутся страницы, мне там больше никакой литературы не дадут, это библиотека для взрослых. А там много интересных книг, еще тех, что в девятнадцатом веке выпустили.

Федор рассмеялся, бросил книгу Лене Кисуниной.

– Собачка, лови!

Сережа попытался поймать том, но Лена перекинула его Паше Окошину. Забава понравилась школьникам, они швыряли том друг другу, потом Лена отправила его в окно и велела:

– Кабанов, иди ищи.

– Как вам не стыдно! – возмутилась Майя Трошина. – Чего Серега вам плохого сделал? Сидел тихо, к вам не приставал.

Майю в классе любили и побаивались. Девочка занималась спортивной гимнастикой и могла так дать в зубы, что мало не покажется. Училась она отвратительно, знаний не хватало даже на двойки. Но поскольку на всех районных и областных соревнованиях Трошина всегда занимала призовые места, ей ставили в журнал четверки.

– Да ладно тебе, – загудел Федор, – уж и посмеяться над придурком нельзя. Он что, тебе нравится?

В ту же секунду Круглов оказался на полу, удар в нос, который Трошина нанесла главному учителю Сергея, был сокрушительным.

- Да, - заявила Майя, стоя над поверженным хулиганом, - Серега мой друг. Кто его тронет, получит по морде.

На следующее утро Трошина села рядом с Кабановым. Через месяц Майя стала получать честно заработанные тройки, потом четверки. Поставив девочке впервые пятерку за контрольную, учитель математики спросил:

- Что случилось? Тебя не узнать.

- Сережа со мной занимается, - ответила девочка, - он очень понятно объясняет, по сто раз повторяет, и я понимаю.

И вот вам еще одна причина, по которой дети терпеть не могли Сережу, - с первого класса он получал только отличные отметки. У него даже четверок в дневнике не было.

Олимпиада прищурилась.

- Откуда я все знаю? Раиса Сергеевна, бабушка Майи, сдавала жилье дачникам на лето и осень, а потом она нашла жильцов на весь год. Я их с девочкой бесплатно пускала в мою летнюю кухню, она к дому пристроена, ну типа терраса. Студено, конечно, не очень удобно, но когда в кошельке пусто, то радоваться будешь, что есть где спать, жить, продукты на что купить. А холод и потерпеть можно. Сережа постоянно к Майе приходил. Раиса его подкармливала чем бог послал, мне про парнишку рассказывала, удивлялась, какой он замечательный. Никто мальчиком не занимался, а он очень любил учиться. Ездил в столицу в библиотеку, сидел в зале, читал. Книгохранилище на базе какого-то института было основано, там полно старых книг прошлых веков. Мальчик их просто глотал.

Липа горько вздохнула.

- Другим детям все условия родители создают, а толку? Евгения же вообще сыном не занималась, а прекрасный мальчик рос. Но потом он пропал. Вернее,

исчезли они вдвоем с Майей. Раиса в панику ударилась: убили внучку.

Я ее успокаивала:

– У нас тихо, кому мы нужны. Майка сильная, с любым мужиком справится. Не переживай, она вернется.

И точно, девочка на следующее утро пришла. Бабка за ремень схватилась, но лупить внучку не стала.

Олимпиада скрестила руки на груди.

– А через год Трошины уехали. Раиса мне сказала:

– Майе предложили учиться в спортивном интернате, там и кормят, и комнату дают, и одевают. Я где-нибудь рядом жилье сниму.

И все! Умотали. Больше здесь не появлялись. Вот уж странно. Зачем за угол в столице платить, с чужими людьми куковать, когда своя изба добротная есть? Можно же не сдавать ее. Если Майка в спортинтернате, то Раисе денег, которые она получала, пенсии и как почтальон, вполне хватило бы. Огород у нее имелся, куры. Глупое поведение.

– А что было с Сережей? – спросила я, заранее зная ответ.

– Он так и не вернулся, – вздохнула Олимпиада, – хороший мальчик, только не современный. Вечно в библиотеку уезжал, а потом стал к Владимиру Николаевичу бегать.

Я встрепенулась, услышав новое имя.

– Это кто?

– Владимир Николаевич в музее работал, – пояснила Липа, – названия его не скажу, он каждый день в Москву на работу катался, Сережа к нему туда ездил. Раиса говорила, что он мальчику книги давал, все уговаривал идти в институт, где учат на музейных работников, вроде у него там блат есть. Хотя какой он

Николаевич? Парню небось тогда двадцать с небольшим стукнуло.

- Он и сейчас здесь живет? - уточнила я.

- У него тут и дома нет, - усмехнулась моя информаторша. - Мать у парня сильно болела, он ей снимал избу Трошиных на весь год, чтобы жила на свежем воздухе. У Ксении была беда с легкими какая-то, не рак, не туберкулез... х... б... х... л... Вот же! Медсестра я, а название забыла!

- ХОБЛ? - подсказала я. - Хроническая обструктивная болезнь легких?

- Точно! - кивнула Олимпиада. - Экая ты умная! Не один год они жили у нас, потом уехали.

- Значит, у Сергея все же были друзья, - пробормотала я, - Майя Трошина и Владимир Николаевич. Фамилию его помните?

- Знаменитая тогда, политическая! - засмеялась Липа. - Таковую не забудешь. Маркс! У тебя телефон мигает.

Глава одиннадцатая

- Ты где? - отрывисто спросил Михаил.

- Беседую с соседкой Джейн, - объяснила я.

- Быстро иди к ней домой, - велел Вуколов, - я нашел Кабанову.

От глагола «нашел» у меня сжалось сердце.

- Она жива?

- Тревожный чемоданчик у меня всегда с собой, я сделал, что мог, вызвал «Скорую». Поторопись, - сказал Миша.

Я встала.

- Олимпиада... э... э...

- Да не люблю я отчество, - отмахнулась хозяйка, - телефон громкий, говорят тебе, а мне слышно. Пошли вместе. Может, и моя помощь понадобится.

Мы быстро оделись, добежали до участка Кабановой, вошли в открытую теперь калитку, дошли до двери дома и очутились в холле.

В нос ударил противный запах.

- Чем воняет? - поморщилась моя спутница. - Гнильем каким-то.

В прихожую из коридора выглянул Вуколов.

- Лампа! Кто это с тобой? «Скорая»?

- Медсестра широкого профиля, - представилась Липа, - а вы машину по какому адресу вызвали?

- По тому, где Кабанова живет, - ответил Миша, - по прописке.

- Ой, нет, надо иначе, - занервничала моя сопровождающая, - дайте телефон.

Я протянула ей свою трубку.

- Алло, - через секунду закричала Липа, - диспетчер, не тот адрес Кабановой дали. Надо улица Рабочая, дом семнадцать. Ага! Официально переулок Октябрьский, но подъезд с другой стороны.

Олимпиада сунула мне мобильный.

- Держи. Где Евгения?

– В гостиной, – ответил Вуколов, – а может, это столовая. Дышите через раз. Главное, по коридору пробраться, в комнате меньше воняет. Давай, Лампа.

Я вошла в полутемное помещение.

– Свет здесь где зажигается?

– Фонарик в айфоне, – хмыкнул Миша, и тут же вспыхнул узкий луч, – любуйся.

– Из чего здесь стены? – удивилась я. – Странные какие-то!

– Около них сложены до потолка пачки старых газет, журналов бог весть за какие годы, самих стен не видно, – вздохнул Миша. – Идите осторожно, пыльно здесь, грязно.

Мы вошли в комнату, которая, возможно, служила столовой. На грязном до безобразия диване лежала Кабанова.

– Мать божья! – воскликнула Липа. – Ну и бардак! Ну и жуть! А с жадиной что случилось? Тю! Да она спит! Храпит, как всегда! Небось очередной вещий сон Храпунцель видит!

– Кто? – не поняла я.

– Храпунцель, – повторила Олимпиада, – сказка есть про Рапунцель. А у нас Храпунцель. Вещие сны, видишь ли, она видит. Одно время Женька по соседям ходила, говорила:

– Я могу любую проблему решить. Скажите, в чем дело, вечером лягу спать, мне вещий сон привидится, и я буду знать, как вам помочь. Я сновидица-пророчица.

Ага! Нашла дураков. Вещие сны! Никто из деревенских к ней не пошел. А из города ездили, уж не знаю, сны она им свои сообщает, или люди деньги в долг берут.

– Это не храп, а хрип, – прервал рассказчицу Миша, – Кабановой плохо.

- Она может заснуть в автобусе, - не сдалась Липа, - сядет и хр-хр-хр. Поэтому ее и прозвали Храпунцель! Вещие сны Храпунцель! Умора!

- Хозяева, «Скорую» вызывали? - заорал из прихожей женский голос. - Чем у вас тут воняет?

- Сейчас их встречу, - ответил Миша и направился в холл.

- Святые угодники! - продолжала ахать Олимпиада. - Как же человек в таком хламе-грязи живет? Уму непостижимо!

- К синдрому Гарпагона добавился еще комплекс Плюшкина, - пробормотала я, - небось они друзья, ходят парой.

- Ты о чем? - спросила Липа.

В ту же секунду в комнате появились две женщины.

- Ух! - сказала одна. - Елена Николаевна, у нас с вами сегодня просто день собирателей сокровищ! Уже третий вызов подряд в одинаковые норы с накопленным дерьмом.

- Что случилось? - устало спросила доктор.

Миша показал на открытую банку рыбных консервов на столе.

- Мы с Евлампией приехали сюда по делу, договорились о встрече. Хозяйка нам не открыла. Мне это не понравилось, я вскрыл замок на калитке, потом запоры на двери дома...

На лице врача появилось выражение изумления.

Я вынула удостоверение и показала ей.

- Мы не воры.

- Детективное агентство, - кивнула Елена Николаевна, - все ясно.

- Я вошел в комнату, хозяйка лежала грудью на столе, - продолжал Миша, - она определенно ела эти консервы. Рыбные. Учитывая пейзаж, наверное, купила их где-то по скидке.

Я открыла холодильник.

- Да он отключен, тут пустые пакеты из-под молока складированы.

- Может, она на улице продукты хранила, - предположила медсестра, роясь в железном чемоданчике. - Просто эпидемия! Третий больной сегодня такой безумный накопитель.

- Что-то ей вводили? - осведомилась врач.

Миша открыл свою тревожную сумку.

- Вот. Это у меня всегда при себе, я эксперт-патологоанатом, имею высшее медобразование.

- Хороший набор, коллега, - позавидовала Елена Николаевна, - у нас такого нет. Все грамотно сделали. Пока я осматриваю больную, вы документы ищите.

- Непростая задача, - хмыкнула я.

- Катя Ефимова частенько к Евгении ходила с просьбами, - вздохнула Липа, - так она говорила, что та паспорт держала в буфете.

Миша подошел к серванту, выдвинул пару ящиков и обрадовался.

- Точно. Все аккуратно сложено.

- Вот и славно, - сказала Елена Николаевна, - мы ее забираем. Поможете нам больную вынести? На вид она некрупная, но человек без сознания всегда очень тяжелый.

– Конечно, – в один голос пообещали мы с Вуколовым.

Потом Миша добавил:

– Могу на руках оттащить, я ее легко на софу перенес.

В комнате раздался стон, медсестра подошла к Джейн.

– Как ваше самочувствие?

– М-м-м, – прозвучало в ответ.

– Можете назвать свое имя, возраст? – не умолкала медсестра.

– Вера, ей вкололи коктейль, – сказала врач, – поэтому она и ожила. Адекватного ответа в данной ситуации ждать не стоит.

– Я действую по инструкции, – ответила Вера.

– Расслабься, – велела Елена Николаевна. – Детективы, вы закроете двери?

– Естественно, – пообещал Вуколов.

– А в полицию сообщать не надо, что нас вызвали частные сыщики? – задала очередной вопрос Вера.

На лице доктора появилось тоскливое выражение. Елена Николаевна определенно не хотела связываться с представителями закона и поэтому сообразила, что сказать.

– Они, наверное, родственники Кабановой, поэтому нас и вызвали.

– Родня, родня, – лихо подтвердила ее ложь Липа, – дальняя, я точно знаю.

– Значит, они имели право навестить бабушку, – обрадовалась Елена Николаевна, – пришли, позвонили. Им не открыли. Они забеспокоились и своими

ключами воспользовались. Не надо вызывать участкового, лучше больную побыстрому в больницу доставить.

Глава двенадцатая

– У нас сегодня ужин, как в самой настоящей интеллигентной семье, – ликовала Киса, – сейчас будем есть габелями из набора, воспользуемся всеми приспособлениями. Очень хочу, чтобы чайный вечер состоялся у нас дома. А что на ужин?

– Салат из овощей с яйцом, котлета с гречкой и чай с яблочным пирогом, – озвучила меню Роза Леопольдовна.

– Напитки? – голосом привередливой хозяйки большого поместья спросила Киса.

– Так я сказала уже, – удивилась Краузе, – чай.

– Его к салату не подают, – заявила наша юная княгиня, – вода, лимонад, морс...

– Минералка! – отчеканила Роза Леопольдовна.

Киса запрыгала.

– Вы идите пока по своим делам, а я накрою на стол и очень воспитанно позову вас!

– Есть хочется, – вздохнул Макс, когда мы с ним оказались в коридоре, – весь день не удавалось перекусить.

– Сейчас поужинаешь, – пообещала я. – Киса так загорелась стать воспитанной по всем правилам девочкой. Похоже, ее сильно задела слова Яковлевой.

– Какие слова? – удивился муж.

Я рассказала ему, как выгнала Зою.

– И правильно сделала, – вскипел Вульф, – сама она такая, в ее случае умственная отсталость вообще никак не лечится! Следовало наподдать царице подъезда веником по башке.

– Я собиралась это сделать, но не успела, потому что к делу подключились Фира с Мусей и изгнали из нашей квартиры это чудище, – сказала я.

– Входите! – закричала Киса. – Все готово!

Макс, Роза Леопольдовна и я вновь очутились в столовой.

Киса посмотрела на лист бумаги, который держала в руке.

– Сделать книксен.

Девочка присела в реверансе и с чувством произнесла:

– Дорогие гости, маман, папан...

Малышка замолчала, потом повторила:

– Дорогие гости, маман, папан... А как обращаться к няне, не написано!

– Роза Леопольдовна член нашей семьи, думаю, ей надо присвоить титул те?ти, – очень серьезно предложил Макс.

– Здорово, – повеселела Кисуля, – дорогие гости, маман, папан и тантэ?!

– Если речь идет о существительном из немецкого языка, то та?нте, – поправила Краузе.

Киса помахала листом.

– Здесь тантэ?.

– Роза Леопольдовна, не спорьте, – попросил Макс, очень хотевший есть, – какая разница, вы тантэ? или та?нте? Как ни назови, ваша красота с вами останется, про ум я уж и не говорю.

– Прошу всех сесть за стол и вкусить скромное угощение, приготовленное с любовью. Место папана в центре. Мамана по правую руку, я по левую. Тантэ напротив папана.

Мы заняли отведенные места.

– Отлично, – потер руки Вульф, – салатик! Где майонез?

– Елки! Забыла! – подпрыгнула Краузе. – Сию секунду притащу.

– Стойте! – закричала Киса. – Это неправильно.

Роза Леопольдовна, стоявшая на низком старте, вздрогнула.

– В чем моя ошибка?

– Папану надо сказать: «Уважаемая тантэ, соблаго... го... во... соблаговольте, – наконец-то справилась с затейливым словом юная княгиня, – подать соус провансаль. А Роза Леопольдовна должна ответить: «С превеликим удовольствием, мон ами, я уже спешу на крыльях восторга исполнить вашу просьбу».

– Да какие на фиг крылья, – вздохнула Краузе, – я потолстела на два кило за неделю. Меня теперь реактивный двигатель не поднимет.

– Ой! Такая беседа во время суаренного общения под запретом, – затрясла головой Кисуля, – плохо у вас получается красиво говорить и интеллигентно общаться.

– Ща смотаюсь за майонезиком, сяду, и беседа нормально покатит, – пообещала Роза Леопольдовна и умчалась.

- На кухне на столе стоит соусница! - крикнула ей в спину девочка.

- Такая фиговина с круглой дурындой сбоку? Блестящая вся? У нас ее раньше не было! - в ту же секунду среагировала няня.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Туше? (toucher, фр.) - в фехтовании колющий удар, нанесенный в соответствии с правилами.

Купить: <https://tellnovel.me/ru/darya-doncova/veschie-sny-hrapuncel>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)